

УДК 94(571.1).05/.06

ББК 63.3(253.3)51

**Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья
как системообразующие институты локального звена
системы управления регионом в 20–30-х гг. XVIII в.***

Д.С. Бобров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Bailiffs of the Forts and Settlements of the Upper Ob
Area as the Core Institutions of Local Unit within the System
of Regional Management in the 20–30-s of the 18th Century**

D.S. Bobrov

Altai State University (Barnaul, Russia)

С позиции генетического и системного подходов анализируется функциональный статус института приказчиков острогов и слобод Верхнего Приобья. В контексте протекания административного процесса показана кристаллизация трех ключевых функций приказчиков: оборонно-снабжениеской, административно-хозяйственной и полицейской. Приказчики рассматриваются в контексте реализации управленческой доктрины кузнецких воевод. Особое внимание уделяется проблеме преступлений в среде приказчиков, а также осуществлению администрирования в крепостях и слободах в ситуации отсутствия легальных институтов управления. На примере конкретных исторических фактов и событий доказываются взаимообусловленные тезисы о восприятии как воеводами, так и поднадзорным населением приказчиков в качестве единственного легального и недискредитированного института управления в локальном районе, а также о создании ситуации внутренней социальной напряженности при оставлении острогов без приказчиков. Автор приходит к выводу о ключевой, системообразующей роли приказчиков в осуществлении управленческого процесса на уровне острогов и слобод Верхнего Приобья.

Ключевые слова: приказчики, служилые люди, воеводы, Верхнее Приобье, Бийская крепость.

DOI 10.14258/izvasu(2016)2-04

Важнейшим фактором протекания освоенческих процессов на окраинных территориях является построение эффективной системы управления. Администрирование служит инструментом не толь-

The article analyses the functional status of the institution of bailiffs in the forts and settlements in the Upper Ob area from the position of genetic and systemic approach. Within the context of the administrative process, the display is made of the three key functions of bailiffs: defense and supply, administrative-economic and police. Bailiffs are considered as part of the administrative doctrine of Kuznetsks voivodes. Special attention is paid to the problem of the bailiffs' crimes and to the administration in the forts and settlements in the absence of legitimate governance institutions. Illustrating his position by specific historical factors and events, the author proves the interdependent theses on the perception by the local supervised settlers and voivodes of bailiffs as the only legal and legitimate institution of the administration in the region; and creating of the situation of internal social tensions when bailiffs left the town. The author arrives at the conclusion about the fundamental strategic role of bailiffs in administration the forts and settlements in the Upper Ob area.

Key words: bailiffs, voivode, service class, Upper Ob area, Biyskaya fortress.

ко формального закрепления, но и инкорпорации удаленных областей в общегосударственное поле. В этой связи особую значимость получают институты местного, в том числе локального управления.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Ю.А. Никитина в рамках реализации социального гранта «Особенности управления территорией Верхнего Приобья в первой половине XVIII в.».

Для Российского государства образца раннего Нового времени едва ли не ключевое значение приобретало междуречье Оби и Иртыша (Верхнее Обь-Иртышье). Системное освоение Верхнего Приобья как одного из локальных районов началось только в первой половине XVIII в. и в своем содержании заключало ряд военных экспедиций с целью строительства острогов и крепостей в стратегически значимых местах [1, с. 102–104; 2, с. 14–15]. В конце 10-х гг. XVIII в. в верховьях Оби были сооружены Белоярская и Бикатунская крепости [3, с. 3–24; 4, с. 4–5, 8–9]. В начале 20-х гг. XVIII в. возникает смежная с Белоярским острогом Малышева слобода. Осуществление управления в административных объектах возлагалось на институт приказчиков, своего роля «начальных людей» крепости.

Проблемно-тематические аспекты институционализации и функционального статуса приказчиков, а также их места в системе управления районом лишь косвенно затронуты в специальной литературе. В.А. Александров, Н.А. Миненко и В.И. Шунков усматривают в приказчиках механизм амортизации крестьянской колонизации со стороны государственных властей [5, с. 54–68; 6, с. 17–31; 7, с. 205–206, 214]. М.О. Акишин и О.Ю. Шаходанова позиционируют приказчиков как одну из вариаций низового звена системы управления Сибири в целом, не выделяя при этом какой-либо местной специфики [8, с. 33, 40–45; 9, с. 78, 102–106]. Региональная историография долгое время придерживалась тезиса Ю.С. Булыгина о «комендантах» как идентичных органах управления крепостями Иртышской линии и острогами Верхнего Приобья [10, с. 14]. Наконец, в последние годы появился ряд работ, направленных на реконструкцию отдельных аспектов административно-правового статуса низовых звеньев системы управления Верхним Обь-Иртышьем [11, с. 44–70; 12, с. 38–42; 13, с. 91–94; 14, с. 114–118; 15, с. 178–186].

В связи с этим целью настоящего исследования является реконструкция функционального статуса приказчиков острогов и слобод Верхнего Приобья, а также определение места управленческого института в системе администрирования региона в 20–30-х гг. XVIII в.

Приказчики представляли собой ординарный орган общегражданского управления, разновидность института «годовальщиков» [16, с. 132–142]. Специфика институционализации приказчиков на ранних этапах освоения Верхнего Приобья детерминировала кристаллизацию трех основных функций: оборонно-снабженческой, административно-хозяйственной и полицейской.

Оборонно-снабженческая функция в условиях нестабильности военно-политической обстановки в Верхнем Приобье сохраняла свою априорную зна-

чимость. Однако неминуемым следствием децентрализации управления (на региональном уровне) начала 1730-х гг. и передачи значительного комплекса полномочий кузнецкому воеводе стала частичная архивация оборонно-снабженческой функции и ее актуализация лишь в условиях обострения фактора внешней угрозы. В своих указах воеводы многократно подчеркивали, что первостепенной задачей приказчиков являлось «сбережение заводов и острогов». При этом если в течение 1720-х гг. количество ежегодно посылаемых из Кузнецка в Бикатунскую крепость на «обереговую службу» служилых людей колебалось в пределах 50, то к 1733 г. оно резко сократилось — до 33 человек, а в 1734-м составляло 40 [17, л. 11 об. — 12]. Острая проблема кадрового дефицита служилых людей для отправки в остроги Верхнего Приобья решалась за счет «приписок» — ускоренного верстания к службе детей, братьев и даже не прямых родственников (дядей и племянников) служилых людей. Сами приказчики также не оставались в стороне. В середине 20-х гг. XVIII в. в казармах Бикатунской крепости проживало более 30 пришлых, которые, как отмечали приказчики острога, активно участвовали в обеспечении безопасности локального района [14, с. 117]. В столь непростых управленческих реалиях приказчикам предписывалось не только иметь «от внезапного нападения от владельцы галдан чирина крепкой предосторожности», но и в случае джунгарской агрессии совершать контрнаступление по «воинским регулом» [17, л. 14 — 14 об.].

При этом после очередного обострения российско-джунгарских отношений в середине 1730-х гг. приказчикам крепостей Верхнего Приобья приходилось составлять ведомости вооруженных людей своего крепостного района, способных оказать сопротивление набегу джунгар [18, л. 27]. В результате в связи с катастрофическим дефицитом артиллеристов в крепости А. Бартнев в 1736 г. потребовал от приказчика Бикатунской крепости И. Хабарова верстать к пушкам в канониры крестьян, которые «окажутся для этого способны» [19, л. 155].

Непосредственное осуществление приказчиками оборонно-снабженческой функции в большинстве случаев сводилось к ремонту и модернизации инженерных укреплений острогов. Как правило, воевода лишь издавал указ, в котором декларировалась необходимость проведения соответствующих работ, в то время как их непосредственное содержание, а также организация необходимых трудовых ресурсов полностью передавались в ведение приказчиков. Значительно реже воеводы выдавали фактически готовую инструкцию [17, л. 11].

Важной составляющей оборонно-снабженческой функции приказчиков являлся сбор информации разведывательного характера. После инцидента 1736 г.,

связанного с поездкой ясажного Кумандинской волости в пределы владений Галдан-Цэрэна, приказчику Бикатунского острога И. Хабарову предписывалось допросить ряд ясажных данников соответствующей Кумандинской волости и даже кузнецких жителей, оказавшихся в «ведомстве крепости». В результате И. Хабаровым было допрошено шесть человек, после чего документы направлялись в Кузнецк [20, л. 17–20].

В периоды стабилизации военно-политической обстановки на южных рубежах Кузнецкого уезда в управленческой деятельности приказчиков на первый план выходила административно-хозяйственная функция. Постепенно ключевым аспектом ее реализации становилась проблема «беглых». Ситуация с беглыми, гулящими и другими категориями самовольных переселенцев резко обострилась в начале 30-х гг. XVIII в. в силу их неконтролируемого оттока в фактически единственную порубежную область на юге Западной Сибири — Кузнецкий уезд.

В 1731–1733 гг. в районе Белоярской крепости и смежной с ней Малышевой слободы сложилась фактически целая «волость», состоявшая из неустановленных самовольных переселенцев, не отмеченных в подушный оклад ни в одной из областей Сибири. Всего приказчиками было выявлено 39 переселенцев в районе Белоярской крепости и еще три — в районе Малышевской слободы. Большинство крестьян оседали в районе Кольвано-Воскресенских заводов, занимались черной работой и жили в степи [21, л. 18–24]. Лишь один переселенец открыто признался, что «в белоярской крепости жил промеж дворов» [21, л. 25].

Не только воевода, но и приказчики были прекрасно осведомлены о существовании значительного количества не учтенных в подушном окладе. По сигналу из Кузнецка приказчик Белоярской крепости в течение месяца обнаружил более 40 семей, проживавших в совершенно противоположных точках локального района: в степи (в междуречье Катуня и Чарыша), в промысловых избушках возле Кольвано-Воскресенских заводов, на разных берегах Чумыша [21, л. 26]. В этой ситуации приказчики оказывались частью своеобразного «управленческого треугольника». С одной стороны, существовали региональные власти, которые вплоть до середины 1730-х гг. фактически не вмешивались в ситуацию с беглыми, требуя от местных структур управления исключительно поддержания обороноспособности. С другой — кузнецкие воеводы нацеливались приписать большинство беглых в подушный оклад к Кузнецкому уезду. Наконец, приказчики стремились использовать переселенцев в качестве инструмента насыщения районов окрестными жителями. Таким образом, курс на пассивность, сознательное затягивание решения вопроса «беглых» отвечал интересам как воевод, так и приказчиков.

Полицейская функция приказчиков выстраивалась вокруг периодической высылки в Кузнецк различных социальных категорий беглых, а также кузнецких жителей, самовольно переселившихся из окрестностей Кузнецка и имевших задолженности в уплате подушного сбора. Причем в воеводских документах 30-х гг. XVIII в. они также именовались «беглыми», хотя в делопроизводственной переписке 20-х — начала 30-х гг. XVIII в. соответствующий термин не применялся. К таким беглецам в большинстве случаев прилагался специальный реестр [22, л. 14–30].

Высылке подлежали не только беглые, но и служилые люди, подозревавшиеся воеводской канцелярией в совершении преступлений. К примеру, в январе 1734 г. приказчик Бикатунской крепости В. Буткеев вынужден был выслать в Кузнецк отставного сына боярского И. Везигина вместе с братом С. Везигиным по обвинениям в махинациях с подушными деньгами. Приказчику предписывалось «высылать в кузнецк за правожатыми под караулом ... не принимая от них никаких отговорок» [22, л. 27]. Приказчики, придерживавшись принципа территориальности преступления, могли как допросить, так и выслать в Кузнецк любое лицо, подозревавшееся в совершении преступления, вне зависимости от его административной принадлежности.

Особое место в практике реализации полицейской функции занимали случаи произнесения «государева слова» крестьянами на служилых людей или крестьянские выборные органы. В подобных ситуациях воеводы выдерживали строго императивную линию и требовали от приказчиков, с одной стороны, осуществлять первичный допрос обеих сторон — «следства», с другой — после первичного дознания высылать подозреваемых в Кузнецк, где воевода «объявлял следства» [23, л. 14]. Большинство случаев произнесения «государева слова» совершалось на фоне злоупотребления алкоголем [23, л. 6].

Как правило, наказанием виновному лицу становилась публичная порка кнутом или батоном. Наказание далеко не всегда приводилось в исполнение в Кузнецке. Воевода мог направить указ, передававший приказчикам полномочия по осуществлению наказания отдельных лиц, по тем или иным причинам не высланных в Кузнецк или уже вернувшихся из него. Периодически приказчикам приходилось наказывать не только рядовых крестьян, но и десятников и целовальников, а также служилых людей [23, л. 15–25; 24, л. 5–10].

Доставка осужденных в Кузнецк и обратно осуществлялась силами специальных конвоев из служилых людей или рядовых крестьян локального административного центра [23, л. 15–21; 24, л. 7–9]. Подозреваемый или осужденный поручался одному или нескольким крестьянам, которые должны были следить за тем, чтобы в пути он никуда не скрылся.

Однако и после приведения наказания в исполнение осужденные, включая служилых людей, посланных на «обереговую службу», не могли оставить пределы крепостного района, что само по себе порождало конфликтность в порубежном микросоциуме.

Важным аспектом в исторической реконструкции административной практики приказчиков является вопрос о преступлениях этого управленческого института. Делопроизводственная документация сохранила единичные упоминания о случаях нарушения приказчиками закона или превышения ими должностных полномочий. В 1734 г. под следствием оказался приказчик Бикатунской крепости И. Буткеев. Резкое недовольство уездного центра вызвало промедление приказчика в вопросе высылки подозревавшейся в колдовстве «бабы Акулины». Для ареста и высылки приказчика из Кузнецка специально был направлен служилый И. Саратов. В воеводском указе ему напрямую предписывалось «прибыв взяв ис той крепости ... с лошаду и со збруей прикащика Буткеева и привесть в Кузнецк» [17, л. 7].

Однако к моменту прибытия И. Саратова И. Буткеев уже выслал Акулину в Кузнецк. Тем самым формальные основания незамедлительного конвоирования приказчика отпадали, так как это наносило существенный вред обороноспособности крепости, являвшейся порубежным фронтным форпостом. Однако в силу априорной императивности любого указа воеводы И. Саратов не мог ослушаться или каким бы то ни было образом проигнорировать предписание. В результате в марте 1734 г. И. Буткеев вместе с И. Саратовым отправился в Кузнецк, а «бийская крепость приказана служилым Максиму Ананину да крестьянину Абраму Исакову» [17, л. 7].

Существовали случаи, когда крепости оставались без приказчиков в силу ряда обстоятельств, не связанных с деятельностью самих локальных управленцев. Так, в конце 1733 г. в результате задержки в посылке сменной команды во главе с новым «начальным человеком» действовавший на тот момент приказчик

Белоярской крепости А. Хмылев по указанию воеводы отбыл в Кузнецк. Крепость была поручена неким «бурмистрам» Д. Бурмагину и М. Безсонову [25, л. 8]. Не обладая необходимым «управленческим авторитетом», и более того, не имея какого бы то ни было формального права осуществлять администрирование в крепости (поскольку в условиях персонализации управления соответствующая память не могла быть выдана двум лицам), Д. Бурмагин и М. Безсонов достаточно быстро утратили контроль над ситуацией в крепостном районе, в результате чего массовые драки временами перерастали в массовые убийства [25, л. 8 — 8 об.]. Д. Бурмагин и М. Безсонов, продержав подозреваемых неделю в подвале, вскоре по непонятным причинам ихпустили, после чего те поспешно скрылись. Подобные иррациональные и откровенно противозаконные действия «бурмистров» в конечном итоге лишь способствовали полной дестабилизации обстановки в прилегающих к крепости селах. Ситуация начала стабилизироваться, лишь когда новый приказчик Белоярской крепости П. Севергин выслал в Кузнецк Д. Бурмагина и М. Безсонова, которые за самоуправство и бесчинства были сурово наказаны воеводой.

В 20–30-х гг. XVIII в. приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья в условиях строгой персонализации управления на низовых звеньях не только обеспечивали протекание процесса администрирования в локальном районе, но и выступали, с одной стороны, проводниками политики кузнецкого воеводы, а с другой — действовали в рамках освоенческой конъюнктуры, исходили из реальных условий протекания управленческого процесса (и прежде всего острого ресурсно-кадрового дефицита). Как в глазах воеводы, так и в сознании поднадзорного населения приказчики являлись единственным легальным и недискредитированным институтом управления, оставление острогов без приказчиков создавало ситуацию внутренней социальной напряженности, а также ставило под угрозу обороноспособность крепости.

Библиографический список

1. История Алтая. — Барнаул, 1995. — Ч. 1.
2. Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Свердловск, 1990.
3. Булыгин Ю.С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости // Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма). — Барнаул, 1986.
4. Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. — Барнаул, 1975.
5. Александров В.А. Возникновение сельской общины в Сибири в XVII в. // История СССР. — 1987. — № 1.
6. Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири: XVIII — первая половина XIX в. — Новосибирск, 1991.
7. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. — М., 1946.
8. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата : дис. ... д-ра ист. наук. — Новосибирск, 2003.
9. Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI — начале XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук. — Тюмень, 2000.

10. Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. — Барнаул, 1974.
11. Контева О.Е., Контев А.В. Территория Алтайского края в общегражданской и ведомственной системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв. — Барнаул, 2005.
12. Ананьев Д.А. К вопросу о компетенции комендантов пограничных крепостей Южной Сибири в первой половине XVIII в. // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX вв. — Новосибирск, 2011.
13. Исупов С.Ю. Роль Бийской крепости в военно-колониционной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2010. — № 4/3.
14. Бобров Д.С. Институт приказчиков в системе управления территорией Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2013. — № 4/1.
15. Бобров Д.С. Наказные памяти приказчикам крепостей Верхнего Приобья в конце 10-х — начале 30-х гг. XVIII в. // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII — начало XX в.). — Новосибирск, 2014.
16. Пузанов В.Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. — 2009. — № 2.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 517. — Оп. 1. — Д. 51.
18. РГАДА. — Ф. 517. — Оп. 1. — Д. 58.
19. РГАДА. — Ф. 1402. — Оп. 1. — Д. 2.
20. РГАДА. — Ф. 517. — Оп. 1. — Д. 84.
21. РГАДА. — Ф. 517. — Оп. 1. — Д. 45.
22. РГАДА. — Ф. 517. — Оп. 1. — Д. 68.
23. РГАДА. — Ф. 517. — Оп. 1. — Д. 43.
24. РГАДА. — Ф. 517. — Оп. 1. — Д. 49.
25. РГАДА. — Ф. 517. — Оп. 1. — Д. 42.